

Ли Ньек

МАРИОНЕТКИ
В ЯЩИКЕ

Ли Льеж

Марионетки в ящике

«Издательские решения»

Льеж Л.

Марионетки в ящике / Л. Льеж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855010-2

Местные жители называют этот затерянный в лесу особняк Вырастающим домом. Пятеро подростков заперты в нём, как в ящике. С каждым днём тайн всё больше. Кто и с какой целью собрал их здесь? Откуда приходят письма с обвинениями в убийстве? И, наконец, что за Спектакль ожидает их впереди? Добро пожаловать в Театр Марионеток! Развлекайтесь.

ISBN 978-5-44-855010-2

© Льеж Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марионетки в ящике

Ли Льеж

Дизайнер обложки Ирина Владимировна Снигирёва

© Ли Льеж, 2017

© Ирина Владимировна Снигирёва, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-5010-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Бен

Дорогая Мартина!

Из городка под названием Реддич мы выехали в 8 часов вечера – почти на час позже установленного времени. Пассажиры никак не могли погрузиться в дилижанс и разместить свой багаж под сиденьями. Как обычно бывает в таких маленьких поселениях, билетов продали в два раза больше, чем имелось мест, а каждый чемодан вполне мог сойти за отдельного пассажира. Мне стало жалко лошадей, которым предстояло везти весь этот груз по сырой и разбитой сельской дороге, но отказаться от своего места я не мог – в колледже меня ждали на следующий день вечером.

Наконец, кое-как все усьелись. Багаж погрузили на крышу и обвязали верёвками, что, однако, вряд ли могло способствовать сохранности наших вещей в таких некомфортных условиях. Я переживал за свой саквояж – мне пришлось отдать его служителям, хотя я вполне мог бы держать его на коленях. Дело в том, что внутри дилижанса было так тесно и так много народу, что мне пришлось взять на колени чьего-то ребёнка. Уверяю тебя, Мартина, что я не лгу. Некая дама с тремя маленькими детьми без лишних разговоров сунула мне одного из своих отпрысков, пробормотав что-то, чего я даже не понял, но что, очевидно, являлось вежливой просьбой помочь ей управиться с многочисленным семейством. А я так растерялся, что не смог ей отказать! И всю дорогу мне пришлось ехать, держа на коленях сопливого мальчугана лет трёх, который то вертелся, то плакал, то требовал леденцов, которых у меня не было, то звал мать, то сучил ногами, то шмыгал носом, то спал. Надо ли тебе говорить, что всю ту ужасную ночь я не сомкнул глаз!

К сожалению, дилижанс – единственный способ путешествовать в этих местах, если не по силам нанять транспорт для себя одного. Очень, однако, надеюсь, что я проехался в этой адской машине первый и последний раз в жизни. Обратно я лучше пойду пешком, чем снова усядусь в этот душный, тёмный, пахнущий пылью и потом ящик, набитый людьми, которые сидят, спят, и едят чуть ли не друг у друга на головах. А ещё дети со своим криком! И запах пота от многочисленных тел, закутанных в сукно и шерсть, трущихся друг о друга. Брррр! Прости, моя дорогая, что вынужден писать тебе о столь низменных вещах. И ведь это только начало моей истории!

Мы должны были прибыть на станцию Кингс-Линн в 9 утра, но на самом деле тряслись до самого обеда. Кучер, извиняясь, объяснил, что дороги размыло и лошадям тяжело двигаться с установленной предписаниями скоростью. Я едва слышал его оправдания. Ночь была ужасна и утро оказалось ничуть не лучше. С помощью кучера я стащил свой саквояж – к счастью, не пострадавший – с крыши дилижанса и поковылял к деревянному зданию станции, едва держась на ногах от усталости. Надо сказать, что я был единственным пассажиром, который покинул это чудовищное средство передвижения. Остальные несчастные потряслись на нём дальше.

Погода была серая, влажная и туманная, небо выглядело неприветливо и сонно, а станция Кингс-Линн оказалась крошечной деревушкой в два десятка убогих домишек. Только здание ратуши было сложено из камня, очевидно, лет двести назад, и уже давно потихоньку разрушалось. Также каменной оказалась церковь, почему-то запертая. Хотя время было уже позднее, на покрытых лужами улочках деревеньки не было ни одного прохожего.

Я зашёл в здание станции, рассчитывая найти там буфет, но обнаружил только пыльную конторку с пожелтевшими бумагами, пару лавок со спящими на них странными личностями

и одетого в форму служителя, который тоже клевал носом. Мне пришлось вежливо позвать его, потом потрясти за плечо, но он, похоже, так полностью и не проснулся. С величайшим трудом я выяснил у него, где могу пообедать и нанять повозку в дальнейший путь. Оказалось, что в этой дыре имеется постоянный двор под вывеской «Театральная». Более нелепое название трудно придумать.

Однако в гостинице мне подали на удивление недурной ланч. Яйца были свежими, ветчина сочной, тосты не пережаренными. Если не обращать внимания на грязные полы и покрытый пятнами передник девушки-служанки, то всё складывалось неплохо. Напившись отличного чаю, я повеселел и почувствовал прилив сил. Даже мрачная осенняя сырость за окнами уже не казалась мне такой печальной.

Подкрепившись, я обратился к хозяину гостиницы с просьбой найти для меня какое-нибудь устройство с колёсами, к которому можно было бы прикрепить лошадь и отвезти меня в колледж св. Ипполиты, где предупреждены и ждут. Моя просьба была встречена с недоумением. То ли этот почтенный джентльмен искренне считал свою гостиницу крайней точкой на карте страны, то ли его образование оставляло желать лучшего, – во всяком случае, он явно никогда не слышал про колледж и понятия не имел, как мне до него добраться.

Я сказал, что это нестрашно, что я сам укажу кучеру путь, если только смогу найти повозку. Пожевав губами и почесав в затылке, хозяин подозвал веснушчатого парня по имени Джеймс и спросил его, может ли он, цитирую, «предоставить молодому господину свою телегу». Джеймс сказал, что вообще-то может, только не понимает, зачем. Я сказал ему про колледж. На широком лице Джеймса отразилось недоумение, и он сказал, что «в этих дебрях отродясь не было никакого колледжа, кроме воскресной школы, но и та уж двадцать лет как закрыта». Начиная раздражаться, я вынул из нагрудного кармана письмо и помахал им перед носами двух деревенских олухов. Не уверен, что они умели читать, но уж план местности, нарисованный чернилами на оборотной стороне письма, был в состоянии понять даже младенец. Аборигены Кингс-Линн уставились на рисунок совершенно круглыми глазами.

– Да нет там никакого колледжа! – воскликнул хозяин гостиницы.

– Как это нет? – разозлясь, воскликнул я. – Вот письмо с уведомлением о зачислении, вот штамп, вот подпись ректора, вот, наконец, карта. Не хотите же вы сказать, что до сих пор ни один студент не проезжал через вашу деревню в том направлении?

Тут выяснилось интересное обстоятельство. Мой будущий возница по имени Джеймс вспомнил, что два дня назад, действительно, отвозил одного пассажира в том направлении. Но, во-первых, этим пассажиром был не юноша, а молодая леди. И, во-вторых, эта молодая леди не добралась до места, а «исчезла в лесу».

Я спросил, как такое может быть. Джеймс неохотно объяснил, что в путь им пришлось двинуться уже затемно: он-де хотел подождать до утра, но леди очень настаивала. Они ехали по лесной дороге до тех пор, пока не упёрлись в бурелом. Джеймс попытался оттащить с дороги упавшие ветки, но не преуспел, а тут ещё лошади заволновались и потянули повозку в обратном направлении. Рассерженная молодая леди выпрыгнула из телеги, заявила, что пойдёт пешком, и углубилась в самую чащу. А трусливый Джеймс был рад-радёшенек вернуться обратно в деревню и завалиться спать.

– Вы бросили девушку одну посреди леса? – уточнил я.

Джеймс отвёл глаза и пробормотал, что юная леди, мол, сама пожелала идти пешком, и он был не вправе её останавливать.

– В таком случае, мы должны как можно скорее двинуться в путь! – сказал я. – Быть может, она заблудилась, но ещё жива. Если мы поедem по той же дороге, то наверняка её встретим!

Джеймс опять забормотал что-то, выражающее его нежелание углубляться в лес, но я проявил характер и настоял на своём. Хозяин гостиницы только пожал плечами. Ему, похоже,

было совершенно всё равно, что происходит с благородными людьми поблизости от его родной деревушки. Вот такие нравы в этих диких краях!

Сборы были недолгими. Джеймс, ворча, пошёл запрягать лошадь в телегу – это и впрямь была самая обычная деревенская телега, в каких возят сено, а не пассажиров; а я наскоро расплатился за ланч и подождал возницу на улице. В телеге было сено – к счастью, сухое. Взгромоздившись на него в неавантажной, но удобной позе, я дал знак Джеймсу и мы отправились в путь.

Леса в этой местности отличаются от тех, к которым привыкли мы с тобой, дорогая Мартина. Не светлые, лиственные, а тяжёлые, хвойные, в которых умирают звуки и тонет солнечный свет. Если учесть известное обстоятельство, что света и так было немного, то ехать нам приходилось почти в потёмках. Джеймс молчал и лишь нервно погонял лошадь. Лошадь, прижав уши, рысью бежала вперёд по заросшей лесной дороге. Я лежал на пахучем сене и думал о том, что все эти дорожные приключения могут стать отличной базой для моего будущего романа – романа, который я только собираюсь написать. Человек не может стать писателем, не создав ни одного сколько-нибудь стоящего произведения, и учёба в специализированном колледже тут не при чём. Мои будущие учителя могут дать мне много полезных советов и мудрых уроков, но написать своё первое и главное произведение должен я сам. И никто не окажет мне в этом помощь, кроме судьбы, подсказывающей неожиданные сюжеты, сводящей меня с интереснейшими человеческими типами. К примеру, исчезнувшая в лесу девушка – чем не начало приключенческого романа? А эти дуболомы из гостиницы «Театральная» отлично сгодятся на роль прихвостней главного злодея. Осталось встретить самого злодея. Ха-ха! Надеюсь, однако, что встреча не помешает мне завершить мой роман.

Итак, мы ехали по лесу, стиснутые со всех сторон тяжёлыми хвойными деревьями. Я не раз замечал, что в лиственных лесах легко дышится, тогда как ели и пихты будто поглощают кислород, не давая ничего взамен. Даже лошадь начала задыхаться, хотя ехали мы вовсе не быстро. А может, это было связано с тем, что дорога сначала незаметно, а затем ощутимо пошла в гору, и я убедился, что мы едем в правильном направлении: в письме было сказано, что колледж находится на вершине пологого холма. Значит, до конца пути оставалось уже не так много времени, и это меня взбодрило.

Чего нельзя было сказать о кучере. Джеймс как-то напрягся, втянул голову в плечи и всё чаще поворачивался ко мне вполборота, будто хотел что-то сказать, но стеснялся или не умел облечь мысли в слова. Наконец я устал следить за его мучениями и спросил:

– Ну что такое, Джеймс? Говорите!

– Молодой господин знает легенду о вырастающем доме? – Тут же откликнулся Джеймс, будто только и ждал моего вопроса.

– О чём – о чём? – удивился я.

– О вырастающем доме? О доме, который по своему дьявольскому разумению вырастает прямо из земли, а потом исчезает?

– Э... нет, не слышал. А к чему это вы, Джеймс?

– К тому, что нет здесь никакого колледжа, – пробурчал возница, – а если он и есть, то это, верно, вырастающий дом. И я бы на вашем месте туда не сунулся.

Я хотел рассмеяться, но что-то мне помешало. Быть может, эта глубокая мрачность уходящего в бездну леса, или тусклый октябрьский свет, или спёртый, но очень влажный и густой воздух, которым приходилось дышать. Вместо смеха я закашлялся и велел Джеймсу заканчивать подобные разговоры. И он сразу же закончил: повернулся ко мне спиной и больше не оборачивался.

Прошло ещё около часа. Дорога шла вверх, деревья здесь росли чуть реже, стало значительно светлее, хотя, должно быть, уже приближался закат. Я начал немного нервничать, ведь дорога не кончалась, а оказаться в лесу в полной темноте я не хотел. Некстати вспомнилась

девушка, сгинувшая где-то здесь. Сначала я хотел отправиться на её поиски, но теперь понял, что только заблужусь в этом лесу.

– Странно, – снова подал голос Джеймс, – бурелома-то нет.

– Может, мы его объехали? – предположил я.

Возница как-то неловко дёрнул плечами.

Мы проехали ещё около мили, лес вдруг сильно поредел, и несколько минут спустя телега выкатилась на открытое пространство. Вершина холма была свободна от леса, её покрывала только трава и редкие, низкорослые кусты. А на самой верхушке находилось здание колледжа св. Ипполиты – точно такое, как я и предполагал, просторное, двухэтажное, с маленьким квадратным портиком и мезонином. Мы всё-таки нашли его!

Джеймс вдруг резко дёрнул поводья и остановился. Я спросил, в чём дело, и он обернулся ко мне с разинутым ртом и едва не вылезающими из орбит глазами.

– Молодой господин... молодой господин... – растерянно бубнил он.

– Как видите, Джеймс, я оказался прав, – снисходительно и с немалым облегчением улыбнулся я, – здесь есть мужской литературный колледж, в котором я отныне буду учиться. Не знаю, кому пришлось в голову расположить его в такой глуши, но всё хорошо, что хорошо кончается. Довезите меня до ворот и получите свои две монеты.

– Воля ваша, молодой господин, а дальше я не поеду, – сказал возница. И начал, представь себе, разворачивать лошадь в обратную сторону.

– Погодите, Джеймс! Что за капризы? Чего вы испугались? – я в панике схватился за свой саквояж.

– Если хотите, можете идти пешком. Тут всего полмили, не больше. А я уезжаю.

– Я вам не заплачу!

Джеймс снова повернулся ко мне, укоризненно поглядел в глаза, вздохнул и ответил:

– Ну и ладно. Слезайте, да поживее.

Я выпрыгнул из телеги и принялся отряхиваться от соломы, а бессовестный Джеймс едва ли не галопом погнал лошадь обратно в лес. Всё-таки мне никогда не понять этих деревенских дикарей.

Уже смеркалось, но я был рад, что меня больше не окружали деревья. Дорога по-прежнему шла вверх и была намного круче, чем в лесу, так что я слегка запыхался. Впрочем, особенно выглядел вполне приветливо: палево-жёлтый, с маленьким палисадником перед крыльцом. В палисаднике виднелось что-то, похожее на огромную голубую бабочку, и я никак не мог понять, что это, пока не приблизился на достаточное расстояние. Оказалось, что между клумб сидит маленькая девочка и играет поздними ирисами, сплетая из них венки.

Я удивился. Откуда это дитя взялось в мужском колледже? Девочка, однако, не обращала на меня ни малейшего внимания, и я счёл это добрым знаком: очевидно, ребёнок постоянно видит прибывающих на учёбу молодых людей с саквояжами. А кто она такая? Может быть, дочь экономки или любимая внучка ректора – какая, в сущности, разница?

Я всё-таки решил поинтересоваться у девочки, что она делает здесь в такой прохладный день и в одном шёлковом платье, без курточки. На моё вежливое покашливание малышка, конечно, не ответила.

– Девочка, как тебя зовут? – как можно более ласково спросил я.

Малышка подняла на меня свои огромные ярко-зелёные глаза. Личико у неё было почти белое, рот маленький и плотно сжатый, взгляд не робкий. Мне даже стало слегка не по себе.

– Ты знаешь, как тебя зовут? – уточнил я. На вид девочке было лет семь или восемь, а таком возрасте дети уже знают многое о себе и своих родителях.

– Картинка, – высоким детским голосом откликнулась моя новая знакомая.

– Какая картинка? – растерялся я.

Девочка ничего не ответила.

– Где твои мама и папа? – я решил ещё раз попытать счастья.

– Нигде. Я сирота, – спокойно ответил ребёнок.

– Ох... я-а... – тут я едва удержался от дурацкой фразы «примите мои соболезнования». – М-мне... жаль тебя, девочка.

А девочка равнодушно скользнула по мне взглядом и вновь занялась своими цветами. Я решил, что надо быть строже.

– Пойдём, – сказал я, – надо зайти в дом, а то ты простынешь.

Девочка послушно подала мне руку. Мы подошли к внушительной дубовой двери, на которой, однако, не было ни звонка, ни молотка, и я решительно постучал по ней кулаком. Никто не откликнулся. Я подождал около минуты – нет ответа. Тогда я просто толкнул дверь, и она неожиданно быстро и легко отворилась, так что я просто влетел в прихожую, таща за собой ребёнка. Влетел – и застыл в изумлении.

Представь себе, Мартина, просторный, светлый, чистый и уютный холл с многочисленными зеркалами, мягкими пуфиками и цветами в горшках и вазах. Прямо посередине – лестница, ведущая на второй этаж, в распахнутой двери слева видна часть гостиной, дверь справа заперта. Несмотря на вечернее время, холл был ярко освещён, но я никак не мог понять, откуда падает свет. Должно быть, я застыл на пороге двери с разинутым ртом и простоял так довольно долго, так как малышка вырвала свою ручку из моей и убежала куда-то вглубь дома, громко топоча ножками в сафьяновых туфельках.

А ещё в холле было пусто и тихо. Топот малышки доносился до меня эхом.

Я стоял и озирался по сторонам, не зная, что предпринять. Вдруг дверь слева распахнулась и из неё вышла очень высокая и красивая женщина лет тридцати в синем форменном платье и наколке.

– Ах, молодой господин, вы приехали! – улыбаясь, приветствовала она меня. – Очень рада вас видеть.

Я неловко поклонился, не понимая, с кем имею дело.

– Меня зовут Доротея, я экономка, – весело сказала женщина и слегка присела, – извините, что не встретила вас сразу. Позвольте, я покажу вам вашу комнату.

– Благодарю вас, – отозвался я, – но где же... остальные?

Здесь было слишком тихо для колледжа. И я не видел ни одного человека, кроме маленькой девочки и экономки по имени Доротея. Где все студенты?

– Остальные уже поужинали и разошлись по своим комнатам, молодой господин. Если пожелаете, я принесу вам ужин в вашу комнату.

– Да, большое спасибо, – поблагодарил я. Но всё равно это было слишком странно.

Моя комната, как и следовало ожидать, располагалась на втором этаже. Она оказалась небольшой, но светлой и уютной, на кровати была перина, на столе лежали перья, чернильница и стопка бумаги, а также конверты. Всё предусмотрено для моих писем тебе, Мартина! А ещё здесь был выход на маленький балкон – просто роскошь для учебного заведения.

Не успел я переодеться и разложить вещи, как в комнату, предварительно постучавшись, вошла Доротея с подносом. Я поужинал сидя за рабочим столом, причём мне подали и зелёный салат, и жаркое с картофелем, и сливовый бисквит. Положительно я попал в необычное, но очень приятное место!

После ужина меня разморило. Доротея с лукавой улыбкой забрала поднос, а я закутался в найденный в шкафу клетчатый шерстяной плед и вышел на балкон полюбоваться закатом. Просто удивительно, какой чарующий, великолепный закат окрасил небо в этот серый и сумрачный день! Благодаря тому, что мы находились на вершине холма, вид открывался потрясающий. Густой тёмно-синий хвойный лес уходил далеко вперёд и вдаль, будто проваливаясь за линию горизонта, а огромное небо налилось огнедышащей лавой и свешивалось со всех сторон, словно скатерть, которую случайно поджёт свечой нерадивый официант. Я

замер и, кажется, даже перестал дышать, поражённый грандиозностью этого зрелища, а ведь рядом со мной открывалось зрелище ещё более прекрасное, просто я заметил его не сразу.

Справа от меня что-то зашуршало, я машинально повернул голову и увидел точно такой же балкончик, на котором точно так же любовались закатом. И когда я увидел ту, которая там находилась, я мигом забыл и про закат, и про лес, и про свои дорожные заметки.

Надеюсь, ты простишь меня, Мартина, что я с таким восхищением пишу тебе о другой девушке. Но там действительно стояла девушка в лёгком белом платье, с распущенными волосами, очень светлыми и слегка вьющимися, с прекрасным и выразительным лицом. Клянусь, что я никогда не видел девушки обворожительнее! Глаза у неё были блестящие, губы алые, на фарфоровом лице горел нежный румянец, а носик и тонкая длинная шея казались изделиями гениального скульптора. На меня девушка не смотрела. Она молча вглядывалась вдаль, и в её хорошенькой головке роились, должно быть, те возвышенные и романтические мечты, которые свойственны натурам страстным, но невинным. Я влюбился в неё в тот же миг, влюбился прямо в её точёный профиль, в её горящий взгляд и свободную, полную невыразимой грации позу. Я смотрел на неё, не мигая, около четверти часа, пока девушка не повернулась и не ушла. С нескрываемым трепетом я понял, что она занимает комнату, соседнюю со мной. В эту волнительную минуту я даже не задумался о том, что делает молодая девушка в колледже для мальчиков. Наверняка этому можно было найти какое-то простое и даже банальное объяснение.

Я так устал, что с радостью повалился на свою удобную постель. И пусть в эту ночь меня одолевали не совсем бесстрастные грёзы, в целом я смог прекрасно выспаться.

А утром, разбирая бумагу и конверты на столе, чтобы отправить тебе это письмо, я нашёл папку с адресом, предназначенную мне. И с этой злосчастной минуты жизнь моя перевернулась, превратившись в нескончаемый кошмар, полный подозрений, ужасных событий и постоянного, непреодоляющего страха.

СОДЕРЖИМОЕ ПАПКИ

Надпись на обложке:

Мистеру Бенедикту Лиховски, 17 лет.

Внутри лист бумаги

За совершенное вами преступление, тождественное УБИЙСТВУ, вы извергаетесь из рода человеческого и становитесь МАРИОНЕТКОЙ.

Марионетка №4!

Запомните нижеследующие правила, чтобы сохранить подобие жизни и не оказаться на СКЛАДЕ.

Правило №1

Марионетка обязана подчиняться СОЗДАТЕЛЮ и выполнять свою РОЛЬ неукоснительно и прилежно.

Правило №2

Марионетке воспрещается сообщать посторонним о ведущихся РЕПЕТИЦИЯХ и о своей роли, а также обсуждать подробности готовящегося СПЕКТАКЛЯ.

Правило №3

Марионетке воспрещается сообщать другим марионеткам свой порядковый номер.

Правило №4

Марионетка обязуется взаимодействовать с другими марионетками для лучшей подготовки к спектаклю. О начале спектакля все марионетки будут извещены дополнительно.

Правило №5.

В случае помещения на склад марионетка заменяется ДВОЙНИКОМ без права обжалования приговора.

Добро пожаловать в Театр марионеток! Развлекайтесь.

Глава 2

Козетта

Она смотрела на закат и думала: ну и гадость! Небо красное, как кровь, того и гляди хлынет наземь. А завтра наверняка будет серо, хмуро, ветрено и холод собачий. Ни у какого камина не отогреешься. Стоило тащиться в такую даль, чтобы мёрзнуть и торчать здесь, ожидая непонятно чего!

Козетта скрипнула зубами и нахмурилась. Очкастый юнец, наблюдающий за ней с соседнего балкона, кажется, глядя на неё, захлебнулся слюной. Все мужчины одинаковы, кто бы что ни говорил. Видят хорошенькое лицо и теряют последний умишко. Смешно, лестно, но уже надоело.

Вздохнув, Козетта решила вернуться в комнату. Угли в камине ещё держали тепло, но комната уже начала остывать. Девушка раздражённо провела рукой по чуть влажным обоям шоколадного цвета, сжала в кулаке волглую простынь. Какая мерзость! И ей предстоит жить в таких условиях.

Небо из красного становилось чёрным, а Козетта всё сидела на кровати и злилась. Затем встала, снова пробежала глазами найденное накануне письмо, фыркнула, отбросила листок бумаги подальше от себя. Потом она нагнулась, подняла, разгладила бумагу пальцами, сложила её вчетверо и убрала в ящик стола. Такими документами не разбрасываются, что бы это ни значило на самом деле.

Ночь тянулась долго. Козетта постоянно пыталась согреться и никак не могла. Она натянула на себя и одеяло, и плед, и даже свой дорожный плащ, но всё равно ухитрилась замёрзнуть. А ещё сквозь сон ей казалось, будто в доме что-то скрипит. Стены, что ли, ходуном ходят? Только этого и не хватало.

Серенькое пасмурное утро не улучшило ей настроение. Дрожа, Козетта вылезла из постели и поспешно умылась. День обещал быть длинным и бессмысленным.

Тёплую воду для умывания, как и вчера, принесла Доротея. Она же помогла Козетте облачиться в светло-розовое атласное платье и расчесала ей волосы. От такой предупредительности девушка даже немного размякла. Всё-таки хорошо, когда в доме есть слуги!

– Госпожа желает спуститься к завтраку? – спросила Доротея со своей неизменной улыбкой.

– Госпожа желает. Подождите пару минут, и я спущусь.

Доротея с поклоном вышла, а Козетта уставилась на себя в зеркало. Ну... хороша, чего скрывать. Только перед кем тут красоваться, спрашивается? Перед этим прыщавым молодчиком, что так пялился на неё вчера? Или перед тем парнем, который смотрит сквозь неё, будто она стеклянная?

Связав волосы на затылке бантом, Козетта захлопнула за собой дверь и быстрой походкой направилась в гостиную, которая также служила столовой. Мимоходом заметила, что вазы с поздними астрами исчезли из холла. И зачем? С ними было как-то повеселее.

В гостиной уже сидела азиатка со своей куклой и малолетняя девчонка с увядшей астрой за ухом. Милая компания, нечего сказать. Кивнув, Козетта прошла к своему месту и уселась на стул. Обе девицы даже не повернули головы в её сторону.

– Ну, что у нас на завтрак? – преувеличенно весёлым голосом спросила Козетта.

Мелкая девчонка вопрос проигнорировала, но от неё Козетта и не ожидала никакой реакции. Азиатка показала глазами на стол и принялась снова укачивать свою куклу.

– Может, ты тоже немая? – насмешливо спросила у неё Козетта. – Или так трудно ответить на вопрос?

– Говорящая, – сухо отозвалась узкоглазая. И посмотрела в лицо Козетте.

Козетта с любопытством стала её разглядывать. Хм, круглое бледное лицо, чёрные тусклые волосы до плеч, прямая чёлка, нос пипкой, рот пуговкой, глаза гусеничками. Интересно, у них в Китае такие считаются хорошенькими?

– Как там тебя, Сора? Я забыла спросить, ты из Китая? – дружелюбно поинтересовалась Козетта.

– Из Японии, – так же бесцветно ответила азиатская дурнушка. И – кто бы мог подумать! – снова уткнулась взглядом в свою куклу.

Кукла, кстати, была много симпатичнее. В школьной форме с матросским воротником и галстуком, с милым и чистым кукольным личиком, с на удивление живыми глазами. Кажется, она смотрела прямо в лицо своей «маме» и улыбалась.

– Дашь посмотреть куклу? – полюбопытствовала Козетта.

– Не дам, – вяло ответила японка Сора.

Ну, не очень-то и хотелось.

Козетта как раз намазывала джемом гренок, когда по лестнице спустился, а точнее скатился вчерашний новоприбывший персонаж. Волосы у юнца были всклокочены, в маленьких глазках отражалось безумие. Он вылутился на трёх расположившихся в гостиной девиц, как баран.

– Доброе утро! – улыбнулась Козетта.

– Я... – выдавил из себя юнец. И сглотнул.

– Я Козетта, – Козетта встала и протянула ему руку, – это Сора. Это – не знаю кто. Просто девочка. А как тебя зовут?

– Бенедикт, – проговорил парень, – Бенедикт Лиховски.

– Ну вот и познакомились, – Козетта как ни в чём не бывало уселась на своё место. – Садись завтракать, не стой столбом.

– Но, – Бенедикт обвёл взглядом маленькое общество гостиной, – где же остальные... мальчишки?

– Какие мальчишки?

– Студенты! – Парень смотрел на Козетту едва дыша. – Остальные студенты!

Тут даже японка, заинтересовавшись, подняла голову. Бенедикт повернулся вбок и так же растерянно посмотрел на неё.

Через три с половиной секунды он спросил:

– Это литературный колледж для мальчиков имени святой Ипполиты?

– Чего? – тут Козетта по-настоящему удивилась. – Какой ещё колледж?

– А что же это? – выдохнул новенький.

– Честно? – спросила Козетта. И, понизив голос, таинственным шёпотом ответила: – Не знаю.

А гренок-то уже остыл. Девушка, вздохнув, поскорее затолкала его в рот и запила чаем. Нет, всё равно вкусно.

– Как не знаете?! – взвыл этот заполошный субъект. – Мне нужно попасть в мой колледж!

– А мне нужно было попасть в гости к друзьям. А тебе? – спросила Козетта у азиатки.

– В частный дом на работу. – Как всегда, японская эмигрантка обошлась без подробностей.

– А попали мы сюда, – объяснила Козетта. – Добро пожаловать, Бенедикт Лиховски. Чаю?

– Какого ещё чаю? Я должен! Мне надо!

Похоже, успокаиваться этот истерик не собирался. Но Козетте не было до него дела. Она взяла ещё один гренок и полила его мёдом. Подцепила двузубой вилочкой дольку лимона и плюхнула её в чай.

Некоторое время девушка с интересом наблюдала, как паренёк носится по комнате, выкрикивает какую-то чушь и даже пытается рвать на себе волосы. Ну просто цирк шапито.

Но тут с прогулки вернулся Куница и прервал весёлое представление.

– Стоять! – рыкнул он. – Ты ещё кто такой?

Неудавшийся студент колледжа замер и уставился на Куницу. Ну, оно и понятно: Куница выразительный тип, как ни посмотри. Волосы длинные, чёрные, кожа медная, лицо узкое, нос с горбинкой, глаза с прищуром. Козетта сама на него потихоньку любовалась.

Поскольку парень утратил дар речи, отвечать за него пришлось Козетте.

– Это Бенедикт Лиховски, – объяснила она, – ехал в какой-то мужской литературный колледж, но не доехал. Бенедикт, ты ведь хотел мальчика? Ну вот тебе и мальчик.

– Понятно, – вздохнул Куница, – нас становится больше. Ты, конечно, ничего не понимаешь, Бенедикт?

– Меня зовут Бен, – тихо ответил парень, – и я ничего не понимаю. Где мы? Кто вы все такие?

– Садись, – Куница положил на пол свой рюкзак, присел на стул, и Козетта встала, чтобы налить ему чаю, – сейчас всё расскажу. Кстати, меня зовут Куница, но это, конечно, прозвище. Это Козетта, это Сора, экономку зовут Доротея. Имени девочки мы не знаем, так как она немая.

– Немая? – переспросил Бен.

– Ну да. А что? – поднял одну бровь Куница.

Бен хотел что-то сказать, но покачал головой. Куница продолжил рассказ:

– Что касается меня, то я ехал в молодёжный лагерь скаутов. Местоположение лагеря было обозначено на карте, которую я получил в письме. С тобой было так же? Ну вот. У девушек, в общем, такая же история. Я приехал сюда позавчера утром, в доме были только Доротея и ребёнок. Потом среди ночи пришла Козетта, вчера днём появилась Сора. Теперь вот ты. Если честно, мы все понятия не имеем, где находимся.

– А Доротея? – ошеломлённо спросил Бен. – Она что-нибудь говорит?

– Только то, что мы должны дождаться её хозяина.

– И вы ждёте?

– А почему нет?

Бенедикт растерянно обвёл глазами лица всех собравшихся. Козетте даже стало его жалко, настолько он расклеился, бедный.

– Да садись ты уже завтракать, – примирительным тоном сказала она, – мы тут все такие же, как ты. Я вообще пешком шла через лес посреди ночи, так торопилась к своим друзьям. А это явно не их дом. И не колледж. И не лагерь скаутов. И не место работы. Но если не брать это в расчёт, то всё нормально и все свои. Садись.

И Бен сел. Взгляд у него по-прежнему был дикий, руки тряслись, но чашку чая он взял и даже сделал глоток. Потом снова подпрыгнул. Вот же не сидится ему на месте!

– А как же... а как же... папка? – Заикаясь, выдохнул он.

И тут в комнате повисла тишина. Такая тишина, что стало слышно дыхание пятерых собравшихся в ней людей. Куница нахмурился, Сора крепче прижала к себе куклу, малявка перестала ковыряться в тарелке с хлопьями, а Козетта прикусила язык.

– Какая папка? – вкрадчиво поинтересовалась она.

– С письмом и с... с правилами. И с обвинением в убийстве. Это какая-то глупая шутка, да?

Тишина стала ещё звонче. Вчера они об этом между собой не говорили. Конечно, Козетта была уверена, что не она одна получила такое письмо, и всё-таки предпочла держать рот на замке. Видимо, остальные решили так же.

И вот настала минута откровенности. Все переглядывались и все молчали. Никто не решался заговорить первым.

– Это полнейший абсурд, я никого не убивал! – выкрикнул Бен. – И я не понимаю таких шуток! Если это сделал кто-то из вас, то его поступок... просто... глупость, низость и подлость!

– А чего ты так раскричался? – тихо спросила Козетта. – Или совесть не чиста?

– Козетта, прекрати. – Куница сверкнул глазами, и девушка замолчала. – Я тоже считаю, что так шутить нельзя. Успокойся, Бен, я не думаю, что это сделал кто-то из нас.

– Ты про письмо или про убийство? – Козетта подняла одну бровь.

– Про письмо. Хотя ни в чём нельзя быть уверенным. В конце концов, мы все только что познакомились.

– Вы как хотите, а я уже позавтракала! – выдержав некоторую паузу, объявила Козетта. – Если кто захочет меня убить, то я в своей комнате.

Она выпорхнула из-за стола и побежала наверх. Ей было и смешно, и любопытно, и немного жутко. Она не любила, когда истории начинаются таким образом. Жизнь вообще непредсказуема, это правда, но слишком уж абсурдное начало не сулило ничего хорошего.

Покойная матушка всегда говорила, что женщина должна быть слабой только в присутствии мужчины. Если мужчины рядом нет, то слабость утрачивает все свои полезные свойства и становится обузой. А если так, то слабой можно только притворяться, но ни в коем случае не быть на самом деле. Козетта усвоила это крепко.

Кто бы ты ни был, тварь, втянувшая меня в это дурно пахнущее дельце, я до тебя доберусь! – мысленно пообещала она.

В комнате, разумеется, было пусто, но уже не так сыро, как накануне вечером. Очевидно, Доротея всё-таки ухитрилась протопить дом как следует. Скинув туфли, девушка с ногами забралась на кровать и серьёзно задумалась.

Видимо, перегородки между комнатами были совсем тонкими. Минуту спустя она услышала, как хлопнула дверь слева и в соседней комнате послышались нервные шаги Бена. Потом скрипнула дверь справа – это японка Сора зашла в своё временное обиталище. Прислушавшись, Козетта уловила звук её голоса.

– Хина, мы выберемся отсюда, Хина, я обещаю тебе...

Она разговаривает со своей куклой! Ну точно умственно отсталая.

Как можно тише Козетта встала и выдвинула ящик стола. Она заполнила его своими вещами вчера днём, как только освоилась в доме. Здесь вперемешку лежали шёлковые платки, кружевные панталоны с оборочками, милые девичьи картинки с розочками и сердечками.

А под ними лежал пистолет, и Козетта тщательно обмотала его тёплым красным шарфом. Она почему-то несколько не сомневалась, что эта вещь ей скоро понадобится.

Глава 3

Сора

Мне тут пришло в голову, что все они, наверное, считают меня полупомешанной. Ну и пусть. Не они первые, не они последние. А мне даже спокойнее, когда на меня не обращают внимания и не пытаются втянуть в свои разговоры. Всё равно у меня это получается плохо – поддерживать беседу, смеяться вовремя и к месту, приводить какие-то аргументы в спорах. Пусть они общаются без меня, а я лучше так понаблюдаю.

Ну... в маленьких компаниях я всегда чувствовала себя хуже, чем в больших. В толпе народа легко затеряться, а когда ты сам-пятый, то волей—неволей приходится как-то участвовать в происходящем. Мой рецепт на такой случай: общаться как можно меньше, чтобы все поняли, какая я скучная особа, и отстали. Я уверена, эти тоже скоро отстанут. У них и без меня достаточно предметов для обсуждения.

Возможно, на меня вообще бы никто не взглянул, если бы не Хина. Она-то никогда не оставалась без внимания! Красивая, не то что я. Вроде одеты мы одинаково, а какая между нами разница! Даже больше, чем между мной и этой белокурой кокеткой на каблучках.

Никак не могу понять, нравится ли мне Козетта. С одной стороны, я всегда терпеть не могла таких... наглых. С другой, мне импонирует смелость, а Козетта, безусловно, девушка очень смелая. Пожалуй, смелее этих двоих мальчишек. Хотя это ещё как посмотреть... Куница – тёмная лошадка и вещь в себе, а новенький не отошёл от шока. Будущий писатель, этим всё сказано. Нервы, богатое воображение, дёргающийся в тике глаз...

Эх, жаль, что тут совершенно нечем заняться! На улице непогодь, что, в общем, типично для здешнего октября. Там, где я раньше жила, в это время ещё тепло и цветут хризантемы. А здесь так уныло, что хоть криком кричи. Я-то, конечно, не кричу и даже не скулю, а ведь хочется иногда. Хоть бы книжку какую-то полистать или журнал, но я, к сожалению, довольно плохо читаю на чужом языке. Спасибо хоть говорить научилась.

Если бы не это мерзкое состояние подвешенности, мне бы здесь даже понравилось. Своя отдельная комната. Тёплый камин. Мягкая, удобная кровать. Шторы на окнах. Красивый, хоть и мрачноватый вид из окна. Наконец, кормят вкусной, хоть и непривычной едой. А что будет дальше – кто знает?

Я ещё раз перечитала письмо с «Правилами Марионетки», чтобы убедиться, что я правильно поняла его содержание. Меня обвинили в убийстве, хо-хо! Дождалась наконец-то. Полтора года обо мне никто ничего не знал, а теперь пытаются усадить на скамью подсудимых. Интересно, казнят меня прямо здесь, в этом чистеньком уютном особнячке? И правильно ли я поняла, что Спектакль – это и есть казнь?

А... всё равно. Я крепче обняла Хину и прижалась своим лицом к её. Пока она со мной, меня не напугают все эти загадки и зловещие предсказания. Что будет, то и будет.

Мы, должно быть, задремали, так как резкий неожиданный звук заставил меня вздрогнуть. Я лежала и прислушивалась, соображая, что бы это могло быть. Вскоре я поняла, что звук доносится не из дома, а с улицы, хоть это и было совсем невероятно.

Слева хлопнула дверь. Услышав это, я тоже сунула ноги в туфли, подхватила Хину и выбежала из комнаты. Все наши уже были в холле, сгрудились у окна. Я встала за их спинами и тоже выглянула наружу.

А там крутил колёсами и ревел мотором автомобиль! В моём родном городе был всего один такой, у губернатора. А этот, пожалуй, был ещё и дороже: ярко-красный, лаковый, с золотистыми дугами и огромной фарой. Посреди леса новомодное чудо техники выглядело весьма фантазмагорично.

– Это ещё кто такой? – удивлённо спросила Козетта.

Ей, конечно, никто не ответил. Тем временем автомобиль затормозил у крыльца и из него вышел высокий мужчина в кожаной куртке и шофёрских очках. Он отворил блестящую дверцу. На землю прыгнул невысокий белокурый подросток в пиджаке, соломенной шляпе и светлых перчатках. Наморщив нос, он задрал голову и принялся разглядывать дом, а в это время все мы разглядывали его.

Дверь позади хлопнула. Вздвогнув, я обернулась. Неизвестно откуда выплыла сияющая улыбкой Доротея в своём прекрасном синем платье и с белыми кружевами на каштановых волосах. Она скользнула мимо нас и распахнула входную дверь перед неожиданными гостями.

– Здравствуйте, молодой господин! Какая честь для нас! – пропела экономка.

«Молодой господин» небрежно кивнул ей и прошествовал в дом. Мужчина в шофёрских очках молча последовал за ним. А мы – то есть я, Козетта, Куница, Бен и маленькая безголосая девчонка, встали плечо к плечу и как-то неожиданно сплотились. Забавно! Только что мы все были разобщены, как дрова, случайно попавшие в одну вязанку, а теперь вдруг объединились против новичков.

– Кто вы такие? – вместо приветствия произнёс подросток, подозрительно глядя на нас. Рука его шофёра быстро скользнула за пазуху и принялась что-то там торопливо нащупывать.

– А вы кто? – Куница сделал шаг вперёд, как бы случайно загородив и меня, и Козетту, и малявку.

– Мы? – спросил гость. – Вы что, издеваетесь? Вас не предупредили?

Задыхаясь от волнения, он обвёл нас глазами. Мы молчали.

– Да я хозяин этого дома, олухи! – завопил мальчик. – Почему только одна служанка знает, кто я такой? Зачем вас сюда позвали?!

– То есть это ты – тот самый хозяин? – удивлённо произнесла Козетта.

– Ну наконец-то! – подросток сардонически расхохотался. – Не прошло и года! Первый раз вижу такую глупую прислугу. Понабрали по деревням.

Я не знала, что и думать. Я, как и все, ожидала встречи с хозяином этого странного дома, но представляла его себе как-то... не так.

– Бодлер, занеси вещи в мою комнату, – приказал мальчишка своему спутнику, – а вы ступайте по своим делам. Не толпитесь здесь. Я желаю осмотреть мой дом.

– Пойдёмте, я вас провожу, – безмятежно улыбнулась Доротея, которая, кажется, не умела ничему удивляться. – Следуйте за мною, господа.

И они было последовали, но на первой ступеньке лестницы «хозяин» снова обернулся к нам и завизжал:

– У вас что, нет работы? Так я добавлю! Ты, – он ткнул пальцем в направлении Куницы, – займись моим автомобилем. Ты, кудрявый, помоги Бодлеру с моими вещами. Служанка с куклой, положи куклу туда, где ты её взяла, и ступай на кухню, я голоден. А ты, блондинка, начинай убирать комнаты. И заберите этого ребёнка!

– Сам бери швабру и убирай комнаты, – прошипела Козетта. – Мы тебе не прислуга.

От возмущения мальчишка так и замер. Он хватал ртом воздух и вращал зрачками, не зная, что сказать. Зато его старший спутник не растерялся.

– А кто же вы, дети? – тихо спросил он, положив руку на плечо своего подопечного.

А кто мы? Не так-то легко ответить на этот вопрос, учитывая обстоятельства. Сказать ему, что ли, что мы марионетки?

– Мы – ваши гости, – вежливо, но твёрдо ответил Куница, глядя в рассерженное лицо мальчишки. – Кстати, вы так и не представились нам.

Мальчик снова задохнулся, но спутник по имени Бодлер слегка сжал своей ручищей его тонкое плечо, и он, пискнув, затих.

– Перед вами Ли Морган, единственный наследник Фредерика Моргана, владельца автомобильной империи, – сказал Бодлер. – Пожалуйста, кем бы вы ни были, обращайтесь к нему почтительно. Этот особняк принадлежит ему, а не кому-то из вас.

– С этим мы и не спорим, – процедила Козетта, – пусть только не разговаривает с нами, как со своей челядью.

– Охотно, если вы объясните, кто вы такие и как сюда попали.

Никто ему не ответил. В кои-то веки я точно знала, о чём думают окружающие меня люди. Второе правило марионетки! Никаких обсуждений с посторонними! А эти двое, как ни крути, очень походили на посторонних. Ведь если этот мелкий блондин и есть хозяин дома или тот самый Создатель, написавший письма каждому из нас, то он, по идее, должен сам всё понимать и не задавать глупых вопросов. А между тем непохоже, что он валяет дурака.

Но признать это правило – значит автоматически согласиться с тем, что ты отныне марионетка, которая должна участвовать в каких-то репетициях, играть какую-то роль, дожидаться некоего Спектакля. В общем, стать частью всей этой ахины.

Я-то в любом случае промолчала бы. Но, к моему удивлению, молчали и все остальные.

– Мы – ваши гости, – нашёлся Куница, – возможно, мы оказались здесь по ошибке. А возможно, нас привела сюда судьба. В любом случае, мы не задержимся здесь дольше, чем будет удобно... или угодно хозяину дома.

– Ну вот и хорошо, – Ли Морган сделал вид, что удовлетворён ответом. На самом деле его, должно быть, распирало от злости.

– Я очень надеюсь, что молодые господа присоединятся к обществу за обедом, – Доротея прямо сияла. Может, у неё болезнь какая-то? Не может не улыбаться?

– Посмотрим, – буркнул Ли.

В отсутствие важных дел время течёт от завтрака до обеда, от обеда до ужина, а от ужина до завтрака. Пока новые знакомые располагались в своих комнатах, Козетта решительно взяла за одну руку Куницу, за другую Бенедикта, и повлекла обоих ребят за собой в гостиную. Я пошла за ними, а малышка побежала за мной.

– Ну, и что вы думаете? – оживлённо спросила Козетта, усаживаясь на диван. – Это точно хозяин дома, или ...?

– Думаю, скоро узнаем, – Куница закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. – Моё мнение – мелковат этот барчук для того шутника, который разослал нам письма и оставил в наших комнатах папки с обращениями. А вот второй... кто его знает. И он вооружён.

– Да, я тоже заметила, – кивнула Козетта. – Его, пожалуй, нужно больше опасаться, чем младшего.

– Это всё бред какой-то! – выкрикнул Бен. – Бред! Абсурд! Нелепица! Какие правила? Какие марионетки? Какие убийства?

– У тебя опять, что ли, припадок? – Козетта легонько пихнула его локтем в бок, и юноша затих. – Хватит молоть чепуху. Шутка это или нет, но дом настоящий, автомобиль у крыльца настоящий, мы все тоже настоящие. А там глядишь и разберёмся.

– Но мне надо в колледж! – слабо возразил Бен, явно сражённый её распорядительностью.

– Надо – так иди! – и девушка указала пальцем на дверь. Бен обречённо вздохнул, затих и никуда, конечно, не пошёл.

А я снова подумала о Хине. Жизнь – очень странная штука. Давно ли мне казалось, что сердце не выдержит и разорвётся, что в дальнейшем существовании нет никакого смысла, что я какое-то ничтожество, недостойное ходить по земле? Гляди-ка, теперь я в другой стране, вполне себе живая и даже вот, ухитрилась влипнуть в приключение. Хина как будто знала всё это, когда утешала и успокаивала меня. Наверное, на её месте я делала бы то же самое, но её слова оказались пророческими. От разбитого сердца не умирают. Умирают от множества

других причин: рухнувшего в грозу дерева, сумасшедшей конки, холеры или оспы... Но уж явно не от несчастной любви.

Тут наверху послышался шум. Мы все одновременно задрали головы кверху, чтобы посмотреть, как трясётся люстра от чьего-то бешеного топота. Потом громкие шаги послышались на лестнице и, наконец, в гостиную вбежал растрёпанный Ли Морган, сжимая в руке какой-то листок бумаги. Какой-то?

Клянусь, я видела, как по лицу Козетты скользнула торжествующая улыбка. И мне неожиданно тоже захотелось улыбнуться. Всё-таки этот чванливый хлыщ – один из нас. Он такая же марионетка.

– Кто это мне подсунул? – завопил мальчишка, брызгая слюной. – Вы что, совсем страх потеряли? Обвинить меня в убийстве! Обозвать марионеткой! Идиоты! Клоуны! Сами вы!..

– Прекрати орать, нам тут одного психопата хватает, – лениво проговорила Козетта, уже в открытую улыбаясь. А вот Бен, услышав её слова, покраснел.

– Что?! – взревел отпрыск благородного семейства.

– Мистер Морган, успокойтесь, – в комнату вошёл Бодлер. Он снял свои очки, и я увидела, что у него квадратное, невыразительное лицо с тусклыми серыми глазами. – Я выясню, чья это проделка. Виновный будет найден. И наказан.

– Очень на то надеемся, – промолвил Куница. Он тоже усмехался. – Уважаемый Бодлер, мы тут в одной упряжке. Я, мисс Козетта, мисс Сора и мистер Лиховски нашли аналогичные послания в своих комнатах.

– А ребёнок? – спросил Бодлер.

– Мы не знаем, она немая. Но вряд ли она замешана в происходящем больше, чем все мы.

– Ну хорошо, – Бодлер присел на стул, – а служанка?

– Не знаем. Попробуйте выяснить у неё сами.

Спутник юного Моргана нахмурил лоб и задумался.

Настенные часы пробили два раза, и в гостиную вплыла Доротея с подносом. На подносе были свежие фрукты, несколько соусников и пара склянок с приправами.

– Время обеда! – весело пропела она.

– А ну-ка обождите, любезная, – Бодлер дождался, когда Доротея поставит свой поднос на стол, и аккуратно взял её за локоть.

– Господин чего-то желает? – лучезарно взглянула на него экономка.

– Господин желает знать, где он находится! – Бодлер попытался улыбнуться, но у него это плохо получилось – видимо, с непривычки.

– Вы находитесь в доме моего хозяина! – охотно объяснила Доротея.

– Это я понял, – тут Бодлер взял служанку за второй локоть и развернул её к себе. – А кто ваш хозяин?

– Мой хозяин – Создатель! – ответила женщина. И улыбнулась ещё ярче.

– Какой создатель? Чего создатель?

– Создатель этого дома!

– Так. – Бодлер хорошенько встряхнул женщину, отчего у неё слетела наколка с головы. – А теперь говори правду.

– Послушайте, вы уже перегибаете палку! – Куница поднялся с дивана, подошёл к Доротею и встал рядом с ней.

– Отойди, мальчишка! – повысил голос Бодлер. – Разве ты не видишь, что здесь происходит что-то серьёзное?

– Я-то вижу. Но так обращаться с женщинами нельзя ни при каких обстоятельствах! – Куница постарался вырвать нашу экономку из рук Бодлера, но тот был явно сильнее. Завязалась короткая борьба, в которой Доротея не принимала никакого участия. Она продолжала улыбаться.

Никто толком не заметил, как это произошло. В какой-то момент Доротея покачнулась и начала падать – прямо, как доска. Куница постарался её удержать, но не смог: гладкая синяя ткань платья выскользнула у него из рук. Доротея падала и при этом улыбалась. Она ударилась головой об угол стола, конвульсивно дёрнулась и рухнула на пол, но улыбка не слетела с её ярких губ. Она лежала на полу, вся какая-то неестественно вывихнутая, с ужасной дырой в черепе. Но из дыры не сочилась кровь. Там было темно, там ничего не было.

Глава 4

Бен

Дорогая Мартина!

Боюсь, всего моего писательского таланта не хватит, чтобы рассказать тебе об этой ужасной сцене. Впервые в моём присутствии умер человек. Впервые на моих глазах произошло настоящее, хоть и невольное, убийство. Оба случайных убийцы так и замерли над телом несчастной женщины, Ли Морган вытаращил глаза, Козетта вскочила и прижала ладонь ко рту, девушка с куклой сжалась в комочек, а малышка вскрикнула и куда-то убежала. Чудовищное зрелище для детских глаз!

– О господи, – тихо проговорил наследник автомобильной империи, – о боже... Бодлер, что ты натворил?

Высокий мужчина выглядел крайне растерянным, что удивительно не шло к его плоскому, будто замороженному лицу. Он, конечно, перестарался со своей попыткой допроса, но он не собирался убивать бедную Доротею. Станный юноша со странным именем Куница присел на корточки и склонился над трупом.

– Вот вам и убийство! – нервически расхохоталась Козетта. – Вот вам и настоящее убийство! Вы спрашивали, какие убийства? Да вот же они! Начались!

Девушка из Японии уткнулась лицом в живот своей кукле и, кажется, разрыдалась. Во всяком случае, мне явно послышались всхлипы. Да я и сам едва не расплакался, как дитя. Я не был готов к такому повороту сюжета.

– Что теперь с нами будет? – тихо спросил я. – Что теперь с нами со всеми будет?

Мне никто не ответил. Вопрос остался подвешенным в просторной и светлой комнате, которая только что обогрилась невинной кровью.

Кстати, крови не было видно вовсе – наверное, она впиталась в ковёр. Но страшная рана на виске женщины прямо свидетельствовала о том, что дом, затерянный в хвойном лесу, посетил смерть.

Мне казалось, что самое страшное сегодня я уже видел. Но я ошибся. Сидящий на корточках Куница вдруг протянул руку и резким, невыразимо циничным движением засунул... прости меня, Мартина... засунул два пальца прямо в рану Доротее!

Боюсь, что в этот момент я издал звук подступающей к горлу рвоты. Но никто не обратил на меня внимания. Все взгляды были прикованы к гадкому акту надругательства над телом мёртвой женщины, и присутствующие при этой сцене были так поражены, что не предприняли ни малейшей попытки помешать глумителю. А он – я не могу подобрать другого слова – ковырялся своими пальцами в черепе жертвы, поворачивая их так и эдак, чуть ли не засовывая ей в голову всю ладонь. Я понял, что меня всё-таки сейчас стошнит.

– Прекрати это! – опомнился Бодлер. – Ты что???

Куница как-то странно хмыкнул и поднялся на ноги. Его пальцы были абсолютно чистыми, без всяких следов крови.

– У неё там пусто, – спокойным, очень спокойным голосом сообщил он. – Совершенно пусто в голове.

– Как это? – сдавленно спросила Козетта.

– Она не человек. – Куница по-прежнему смотрел себе под ноги. – Это чучело, автомат, кукла – называйте, как хотите.

– Марионетка, – подала голос Сора. Кажется, это было первое слово, которое я от неё услышал.

И вот тут мне стало по-настоящему жутко.

Милая моя Мартина, помнишь ли то благословенное время, когда мы были детьми? Твоя мать отпускала тебя под моим присмотром на берег Темзы, в том месте, где она особенно широка и тиха. Мы строили куличики из речного песка и украшали их обломками ракушек, взбирались на старый мост и подставляли ветру наши счастливые, не знающие горя лица. Помнишь, как мы ловили бабочек и стрекоз? Ловили – и всегда отпускали, так как не хотели причинять зла ничему живому. Это ты, Мартина, научила меня быть милосердным.

Мне особенно запомнилась наша любимая игра в Речную Фею. Я изображал рыбака, потерпевшего крушение на своей маленькой шхуне, которого вынесло на берег приливом. А ты, моя прекрасная Речная Фея, поднималась из вод в одеянии из водорослей, чтобы вдохнуть в меня жизнь. Каждый раз эта история обрастала новыми деталями и подробностями. Наши матери и не подозревали, что мы плещемся в реке, ведь мы были бдительны и осторожны. А они, наши бедные, вечно занятые работой мамы, не отличались наблюдательностью.

Моё детство было счастливым и беззаботным рядом с тобой, Мартина. Иногда мне кажется, что я отдал бы всё мне принадлежащее за возможность хоть ненадолго вернуться туда. А потом всё резко и неожиданно изменилось: то ли я стал взрослее, то ли школа так повлияла на мой характер, что я стал стыдиться невинной дружбы с тобой, то ли нервический припадок, сведший меня в лечебницу пять лет назад, окончательно испортил мой характер и травмировал ум, но прежней близости между нами уже не могло быть. И я пишу тебе эти письма, зная, что ты не захочешь на них ответить, так как таишь обиду на меня – увы, совершенно заслуженную. Но я хочу сказать, что ты по-прежнему дорога мне, и скажу об этом именно сейчас, когда моя жизнь оказалась у опасной развилки, когда настоящее вдруг стало зыбким, а будущее непредсказуемым. Я люблю тебя, Мартина. Люблю не так, как Козетту, эту воздушную и острую на язык красавицу, а как дорогую свою сестру. Прости меня, Мартина, и позволь мне продолжить моё повествование.

После смерти Доротеи – можно ли назвать это смертью? – мы долгое время пребывали в прострации. Я говорю обо всех нас, даже о Бодлере, который казался слегка растерянным. Только Куница, видимо, лишённый всякого почтения к таинству смерти, так и эдак ощупывал тело женщины сухими и точными движениями, ничуть не стесняясь нашего общества. Он поворачивал голову Доротеи из стороны в сторону, при чём раздавались щелчки, сгибал её руки и ноги, бесцеремонно расстегнул платье и долго разглядывал аккуратный толстый шов на груди. Меня передёргивало от этого зрелища, а вот Козетта, отойдя от первого шока, подошла ближе и заглядывала ему через плечо.

– Это не человеческая кожа, – бормотал себе под нос Куница, – это не волосы. Это не зубы.

– Что мы будем с ней делать? – испуганно спросил Ли Морган, с которого как ветром сдуло всю его спесь.

– Это груда тряпок, соломы и стекла, – не поднимая головы, отозвался Куница, – можно сжечь её в печи.

И это он десять минут назад защищал Доротею от Бодлера! Я почувствовал, что мне необходимо вмешаться.

– Нет, – сказал я, надеясь, что голос мой звучит твёрдо, – кем бы она ни была, но мы знали её как человека. И мы должны похоронить её как человека.

– А по-моему, мы должны разобрать её на части и узнать, как она работает, – Козетта, как всегда, смогла меня удивить. – Это поразительное создание, заводная механическая кукла, которую все мы принимали за настоящую женщину. Как можно просто взять и выбросить такое сокровище?

– Она была живая, – вдруг произнесла Сора, – по-настоящему живая, вы же все это видели.

На минуту в комнате воцарилось молчание. Тикали часы. На лице мёртвой Доротеи по-прежнему сияла улыбка.

– Мы её похороним, – Бодлер, единственный взрослый из нас, принял решение. – Молодые леди, нужно её во что-то завернуть. Молодые господа, помогите мне вырыть... яму.

– Чем её рыть, руками? – проворчал Ли.

Все как-то замялись.

– Здесь должны быть подсобные помещения, кладовые. Я поищу, – сказал я и спешно отвернулся. Мне уже давно требовалось выйти из этой комнаты. Если бы меня вытошнило прямо на глазах Козетты, я бы, наверное, умер от стыда рядом с Доротеей.

В холле было две двери. Одна вела в гостиную, а вот другая... из другой обычно и появлялась наша экономка. Я пересёк прихожую, толкнул дверь, она отворилась. За ней был длинный и явно не парадный коридор. Черета окон по одну сторону, черета дверей по другую. Я шёл, пробуя все двери по очереди. Одни были заперты, другие открывались, но за ними не было ничего интересного. Спустя две минуты и пять совершенно одинаковых дверей я нашёл бельевую и прихватил оттуда простыню, которая могла понадобиться для нашего нерадостного предприятия. В коридоре было тихо, и я понятия не имел, чем занимаются остальные. Мне вдруг стало не по себе. Мелькнула колючая мысль, что здешние обитатели о чём-то сговариваются у меня за спиной.

Я гнал эту мысль, но она начала терзать меня. Что я знаю об этих людях, с которыми познакомился только сегодня? Действительно ли они, как и я, случайные жертвы чьего-то жестокого розыгрыша? А что если хотя бы часть этой жуткой истории – правда?

Положим, я не совершал никакого убийства и знаю об этом точно. А остальные? Ладно, девушек можно снять с подозрения: я не могу себе представить, чтобы тонкая изящная Козетта или флегматичная медлительная Сора кого-то убили. Про малышку даже и вообразить смешно, что она убийца. А этот длинноволосый парень с именем, как у животного, холодно-кровно исследующий внутренности пусть не совсем человека, но всё-таки живого существа? Или наследник Морганов? Даже если мальчишка слишком хлипок, чтобы убивать своими руками, у него есть верный помощник – громила Бодлер. Они-то вполне могут быть преступниками!

Я мотнул головой, и логическая цепочка прервалась. Подозревать всех подряд, не имея доказательств, бессмысленно. Так я только снова расстрою себе нервы.

В конце коридора обнаружилась кухня, полная разнообразной утвари. Я огляделся, пытаюсь понять, что здесь может сгодиться для работы с землёй, и нашёл ещё одну дверь рядом с поистине исполинской плитой. За этой дверью было маленькое помещение без окон, где на потемневших от времени полках из необработанного дерева лежали садовые ножницы, мотки бечевы и ещё какие-то инструменты, а в углу стояли лопаты, грабли и мотыги. Я подхватил две лопаты, едва не занозив ладони о шершавые черенки, и двинулся в обратный путь.

Когда я вошёл в гостиную, там царил оживление. Доротея лежала на полу лицом вниз, Куница собирал с ковра какие-то осколки, девочки сушили у стола. Малышки не было, она по-прежнему где-то пряталась.

– Простыня? Отлично! – с неестественным возбуждением произнесла Козетта. – Мы как раз думали, во что её завернуть.

Она расстелила простыню на полу, затем Куница взял Доротею за плечи, а Бодлер за ноги, и они уложили тело на белую ткань. Козетта тут же соединила края простыни над трупом несчастной и завязала два прочных узла.

– Всё, – сказала она, – так её можно нести.

– Юноши, вы должны помочь мне, – Бодлер, поблагодарив кивком, взял у меня из рук одну лопату. Я последовал за ним.

Мы обошли дом и остановились как раз под балконом – насколько я мог судить, под моим. Здесь не было никаких насаждений, но земля показалась мне довольно рыхлой. Я нерешительно ковырнул её лопатой.

– Нет необходимости рыть глубокую яму, – подбодрил меня Бодлер, – труп не будет разлагаться. Главное, чтобы его не вымыло дождём.

Я кивнул, снова борясь с приступом тошноты. Чтобы отвлечься от этого неприятного ощущения, я буквально вгрызся в землю, неловко, но ожесточённо работая лопатой, и Бодлер тут же пришёл мне на помощь. Не прошло и получаса, как мы вырыли изрядную яму почти два фута глубиной. Тут как раз показались Ли и Куница, тащившие тело Доротеи, завернутое в простыню. Куница был собран и спокоен, а юный Морган дрожал крупной дрожью, и мне вдруг стало приятно, что кто-то владеет собой намного хуже меня.

Девушки пришли тоже. Сора прижимала в груди свою ненаглядную куклу, а Козетта покусывала губы, с опаской и любопытством заглядывая в вырытую нами могилу.

Без лишних разговоров Бодлер подхватил на руки тело в простыне и аккуратно, хоть и очень быстро, уложил его в яму. Не бросил, а именно положил – мне понравился этот жест. Затем он встал и отряхнул ладони.

– Кто-то хочет что-то сказать? – спросил он.

Желающих не нашлось.

– Хорошо. Тогда мы её закапываем.

Я снова взялся за лопату. Забрасывать яму землёй оказалось не легче, чем рыть. Я выбился из сил, но справился со своей работой, а затем мы все старательно утрамбовали землю. Если не обращать внимания на тёмный прямоугольник, лишённый травы, то никто бы и не догадался, какая страшная тайна здесь скрыта.

В этот момент все чувства покинули меня, уступив место непонятной лёгкости. Мне вдруг стало всё равно. Подумаешь, обвинение в убийстве! Подумаешь, ожившая кукла в человеческий рост! Подумаешь, загадочный дом среди лесов и его не менее загадочные обитатели! Почему я должен об этом думать?!

Видимо, мой мозг перешёл в стадию смирения с происходящим. За два дня я настолько устал морально, что просто не мог больше испытывать горе, раздражение и гнев. Да и что мне остаётся? Только наблюдать за событиями, ожидая, что произойдёт дальше.

Похоронив Доротею, мы вернулись в гостиную. Разговаривать никому не хотелось. Я совсем забыл о том, что уже четвёртый час дня, а я ещё не обедал. Остальные, кажется, подумали о том же. Козетта первая подошла к столу, где всё ещё стоял принесённый экономкой поднос, и взяла с него яблоко и грушу. Вторым стал Ли.

– Нам что теперь, самим придётся готовить себе еду? – задала риторический вопрос Козетта.

– Ты что, хочешь здесь остаться? – спросил Куница и тоже взял себе яблоко.

– Нет, но я... – девушка прикусила язык и задумалась.

– Сделаем вот что, – Бодлер серьёзно обвёл всех глазами, и мы, подобравшись, уставились на него, – у нас есть автомобиль. К сожалению, в нём всего два места. Но я могу вернуться в деревню и привезти людей и транспорт, чтобы забрать отсюда всех вас.

– Это ты хорошо придумал! – Ли вскочил на ноги. – Я поеду с тобой. А потом ты вернёшься за ними.

– Нет, – отверг такой вариант Бодлер, – мне будет спокойнее, если вы, мистер Морган, останетесь с этими молодыми господами. Неизвестно, сколько времени займёт у меня поиск подмоги и обратная дорога сюда, а я не хочу оставлять вас одного в той убогой деревне. Здесь, во всяком случае, есть условия для жизни.

– Бодлер, ты чего? – возмущённо вскричал Морган. – Я ни за что на свете здесь не останусь! Пусть отец купит мне какой-нибудь другой дом!

– Боюсь, что останетесь, сэр, – Бодлер вдруг улыбнулся, отчего Ли вжал голову в плечи. – Я не могу рисковать вашим благополучием. Не беспокойтесь, я вернусь так быстро, как только смогу. Прощайте, молодые господа!

От быстрой смены обстоятельств мы все были в каком-то ступоре, поэтому восприняли этот неожиданный демарш равнодушно. Мы не пытались ни задержать Бодлера, ни поторопить его. А странный слуга юного Моргана на прощание легко кивнул нам и вышел за дверь. Минуту спустя мы услышали рёв двигателя за окном.

– По-погоди-ка! – Ли бросился вслед за Бодлером. – Ты не смеешь меня бросать! Бодлер! Вернись! Я всё расскажу отцу! Клянусь, я всё расскажу отцу, и он тебя уволит!

Вторую часть его речи, посвящённой «негодяю Бодлеру», мы слышали уже с улицы. Вскоре Ли вернулся, взъерошенный и злой.

– Он уехал! – срывающимся голосом объявил он. – Бросил меня! Мой слуга меня бросил!

Козетта пожала плечами и ничего не ответила, Куница отвернулся, Сора смотрела себе под ноги, а я открыл было рот, да не придумал, что сказать.

Тут откуда-то появилась малышка и, подойдя к едва не плачущему Ли, обняла его чуть повыше талии – насколько смогла дотянуться. Тот всхлипнул.

– Не переживай, – всё-таки выдавил из себя я, – мы все в таком же положении. И я думаю, что он скоро вернётся – с помощью, как и обещал.

– В конце концов, чего мы боимся? – как бы про себя спросила Козетта. – Ничего ужасного пока не произошло. Никто не умер. Похороны куклы-переростка не в счёт. Да, всё это сбивает с толку, но...

– Я согласен с Козеттой, – подумав, сказал Куница, – нам надо запастись терпением. И держать глаза и уши открытыми.

– Так и решим, – подытожила Козетта.

Пообедали мы принесёнными Доротеей фруктами. Остаток дня прошёл как-то сумбурно. Осенью быстро темнело, и никому из нас не хотелось идти в далёкую кухню по узкому коридору в поисках чего-то съестного к ужину. Мы предпочли оставаться в гостиной до позднего вечера, развлекая себя разговорами ни о чём. Малышка заснула, положив голову на колени Соре, а Ли, слегка оправившийся от, как он считал, предательства, взахлёб рассказывал нам о своём отце, об автомобилях и о сногшибательном подарке на 16-й день рождения – собственном особняке.

– Ты уверен, что речь шла именно об этом доме? – спросила Козетта, зябко поводя плечами. Мы не затопили камин, и в гостиной становилось по-настоящему холодно.

– Ну... – Ли смутился, – на фотографиях он выглядел как-то по-другому. Но разве поймёшь, что изображено на фотографиях? Это же не картины.

– Может быть, это и не твой дом. Ты попал сюда так же, как и все мы – по чьему-то злому умыслу, – спокойно сказал Куница.

От этих его слов у меня мурашки поползли по всему телу. Я смотрел на колышущиеся на стенах тени, на непроглядную черноту за окном, и чувствовал, как меня охватывает уныние.

Первой ушла к себе в комнату Сора, а малышка убежала за ней. Потом ушёл Куница, затем Козетта, забрав свечу. Мы с Ли ещё несколько минут посидели рядом, не зная, о чём поговорить, и разошлись по комнатам.

Не зажигая свет, я юркнул в свою постель. Некстати подумалось, что Доротея сейчас находится прямо под моим балконом – лежит, зарытая в землю, но всё так же радостно улыбается. Мне было страшно, моя Мартина, мне было так страшно, что я боялся даже дышать. Мне стало ещё страшнее, когда мои уши уловили какой-то скрип: тихий-тихий скрип, будто

где-то в глубине дома двигались зловещие механизмы, заставляя стены едва уловимо дрожать. Я накрылся с головой одеялом и кое-как уснул.

Утро было неожиданно солнечным. Я высунул нос из-под одеяла и с удивлением и радостью поймал солнечный луч, скользнувший по моей подушке. Не зря говорят, что утро благотворнее вечера: призраки, терзавшие меня всю ночь, испарились. Я поднялся и оделся совершенно спокойно. Удивился, обнаружив в умывальнике свежую воду, но несильно.

За дверью слышались шаги. Видно, кто-то из девушек встал раньше меня: я слышал громкое шуршание накрахмаленного подола. В мою дверь вежливо постучались, и я услышал знакомый певучий голос:

– Время завтрака, молодые господа! Время завтрака!

Глава 5

Козетта

Не успев ничего подумать, она распахнула дверь. Доротея, живая и невредимая, с улыбкой стучала во все двери гостевых комнат и приглашала к завтраку. Высунуться наружу, однако, решилась одна Козетта.

– Доротея, это вы? – глупо спросила она.

– Я, молодая госпожа! Доброе утро! Помочь вам одеться? – осведомилась экономка.

– Нет-нет, я как-нибудь сама.

Козетта захлопнула дверь и схватилась за голову. Это что ещё за чертовщина? Откуда здесь это человекообразное существо? А кого же мы вчера похоронили?

В соседних комнатах что-то никто не шевелился. В обмороки они там, что ли, попадали? Козетта как можно скорее принялась натягивать платье. Путаясь в крючках и застёжках, она справилась с этим делом минут за пять. Прошлась щёткой по волосам, затянула бант на затылке и снова выскользнула за дверь. Доротеи в зоне видимости уже не было.

– Ребята, где вы там? Выходите! – позвала Козетта. Как бы там ни было, оставаться с воскресшей служанкой наедине она не собиралась.

В гостиной слышался звон посуды: Доротея накрывала на стол. Сжав кулаки, Козетта спустилась вниз. Увидела в двери край зелёного платья: сегодня Доротея была в зелёном.

– Козетта, это ты? – из гостиной послышался голос Куницы. – Доброе утро!

А он, оказывается, уже встал. Улыбнувшись и почувствовав себя значительно смелее, Козетта вошла в гостиную и осмотрелась. Доротея расставляла на столе тарелки, Куница пил чай, часы тикали, в окна лились потоки солнечного света. Чудесное, просто чудесное утро! Если не считать того, что по комнате разгуливает оживший труп.

Следующим в комнату опасно заглянул Бенедикт. Козетта помахала ему рукой, и он вспыхнул. Затем потянулись и остальные, включая малышку. Доротея ласково взяла девочку за руку и помогла ей забраться на стул. Затем придвинула к ней миску с кукурузными хлопьями и молочник.

– Как вы себя сегодня чувствуете, Доротея? – вкрадчиво спросила Козетта. – Хорошо ли ночевали?

– Большое спасибо, молодая госпожа, я спала как убитая! – весело откликнулась экономка.

Тут даже Куница поперхнулся чаем. Труп не только гуляет по комнате, труп ещё и шутит.

Экономка выпорхнула из гостиной, принесла горячие, дымящиеся гренки, снова выпорхнула. Оставшаяся без ужина Козетта почувствовала пустоту в желудке и решительно положила на тарелку гренок.

– Ты думаешь, это можно есть? – шёпотом спросил Ли.

– Вчера ели и не умерли, – сдвинула брови девушка. Ей тоже было мягко говоря не по себе, но голод оказался сильнее страха.

Завтрак, как и вчера, был отменный. Доротея метала на стол яблочные пряники, рисовые пудинги, запечённые в маленьких глиняных формочках, сливочки со сливками и топлёным молоком.

– Это так вкусно, что даже невероятно! – высказал общее впечатление от еды Ли, поглаживая себя по животу.

– Интересно, кто это всё готовит, ведь в доме нет других слуг, – проговорил Бен.

– Откуда ты знаешь? – возразила Козетта. – Мы не обыскивали дом.

– А вы не заметили больше ничего странного? – спросил Куница, когда удостоверился, что Доротея ушла в подсобные помещения и не намерена вернуться в ближайшую минуту.

– По-моему, тут всё более чем странно! – хмыкнул Ли Морган, настроение которого явно поползло вверх после сытного и обильного завтрака.

– Ну, например, в гостиной лежит новый ковёр... – Куница поставил пустую чашку на стол и сложил руки на груди.

Козетта посмотрела под ноги. Действительно, вчера здесь лежал зелёный ковёр, а сегодня какой-то бордово-коричневый. Почему она сразу не обратила внимания?

– Может, Доротея убрала старый ковёр, чтобы... почистить? – предположил Бен.

– От осколков собственной головы? – усмехнулся Куница.

– И обои переклеила, да? – Козетта ткнула пальцем в ближайшую стену. – Обои тоже другие! Узор не тот!

– Да зачем ей всё это нужно? – заволновался Ли.

– Ты спрашиваешь, зачем это нужно человекоподобной механической кукле, которая вчера разбилась, была закопана в землю, а сегодня явилась как ни в чём не бывало и кормит нас завтраком? – Куница тихо, неприятно рассмеялся. – Понятия не имею.

– Я вот что думаю, – Бен энергично потёр переносицу, – эта Доротея – настоящая. А разбили мы куклу.

Все переглянулись. Ободрённый Бен продолжил:

– Вы посмотрите на неё, она же точно живая, настоящая женщина! На ней нет никаких следов вчерашнего.

– «Та» Доротея тоже казалась живой и настоящей, – задумчиво ответил Куница. – Впрочем, всё может быть...

– Надо разрыть могилу, – сказала Козетта, – и посмотреть, лежит там Доротея или нет.

И снова тягостная пауза.

– Я туда не полезу! – заявил Ли.

– Отлично, – вздохнула Козетта, – я полезу.

И полезла. Правда, с лопатами управлялись Куница и Бен, а Козетта стояла рядом и напряжённо вглядывалась в чрево земли. Очень скоро показался край грязной простыни, и девушка протянула к нему дрожащую руку.

– Подожди, – одёрнул её Куница, – мы слегка расчистим.

Но Козетта боялась, что ей не хватит прыти на второй заход. Стиснув зубы, она покрепче ухватила мокрую ткань и потянула на себя. Простыня поддавалась неожиданно легко, даже слишком легко. Очень скоро девушка вытянула из ямы всё содержимое. Её сердце билось часто и неровно: она уже чувствовала, что тела экономки в самодельном мешке нет.

– Надо её развернуть, – глухо промолвил Куница. И, не дожидаясь помощи Козетты, сам принялся развязывать узлы.

В простыне лежало скомканное синее платье, какие-то нитки, деревяшки и пучки соломы. И голова Доротеи со страшной пробоиной на виске. Улыбающаяся голова.

– С меня хватит, – объявила Козетта, – я уйду отсюда. Я не буду ждать, когда вернётся этот Бодлер с десятью телегами. Я пришла сюда пешком и уйду пешком.

– Я с тобой! – тут же вызвался Бен.

– Мы все уйдём, – тихо сказал Куница, – нам нельзя здесь оставаться. Уходить надо прямо сейчас, чтобы успеть добраться до ближайшей деревни засветло. Все согласны?

Возражений не было.

– Тогда собираем вещи и в путь. Берите только самое необходимое! – распорядился Куница.

Все разбежались по комнатам. В два счёта Козетта наполнила сумку, не забыв захватить пистолет. Нарядные платья, шляпки и панталончики она, скрепя сердце, решила оставить в особняке.

Не прошло и четверти часа, как беглецы сгрудились в холле у входной двери. Не хватало только Куницы и малышки.

– А немая девочка? – спохватился Бен. – Не можем же мы её оставить?

– Я поищу, – откликнулась Козетта. Она сбегала в гостиную, пробежала по верхнему этажу, заглянула во все двери. В одной из комнат обнаружила Куницу, неподвижно стоящего над письменным столом.

– Ты собираешься или нет?

– Сейчас буду, – напряжённо отозвался юноша.

– Мы все тебя ждём, между прочим.

Козетта снова спустилась вниз, повертела головой, вздохнула, подошла к двери в коридор, ведущий на кухню, открыла. На одном из подоконников сидела Доротея и держала на коленях зеленоглазую малышку. Девочка нежно обвивала руками её шею.

Прежде чем Доротея повернула голову и увидела нежданную гостью, Козетта звонка захлопнула дверь и отскочила назад.

– Уходим без девчонки, – отрезала она, – девчонка не пропадёт.

– А что с ней случилось? – взволнованно спросил Бен.

Козетта не ответила. Она накинула на плечи и голову шаль, решительно толкнула дверь и вышла в осенний сад. Ей в лицо сразу же ударил порыв ветра, до того сильный и промозглый, что она покачнулась. Но отступать было некуда.

Последним из дома вышел Куница. Маленькая группа подростков, кутающихся в шали и куртки, начала быстрым шагом спускаться с холма. Идти пока что было нетрудно: трава, хоть и мокрая, хорошо пружинила под ногами, а солнце пригревало спины. Каждый понимал, что впереди лес, где дорога не будет такой лёгкой, и каждый не хотел ничего говорить об этом.

– Мы проехали там на автомобиле! – Ли постарался перекрычать ветер. – Значит, можно и пешком пройти!

– Если будем двигаться быстро, то до темноты будем в деревне! – Бен протянул Козетте руку, чтобы помочь ей перебраться через лысый куст чертополоха, но девушка справилась и без его помощи.

– Я пойду впереди. – Куница опередил всех и решительно зашагал вперёд. Козетта не возражала: в конце концов, этот парень собирался в какой-то там лагерь скаутов. Теперь пусть проявит свои способности.

Вот и лес. Хвойные деревья сомкнулись над головами почти сразу, заглушив ветер и погасив солнце. Сохранять быстрый темп стало гораздо труднее: дорога была глинистой, неровной, очень ухабистой и грязной.

– Как вы тут все колёса не потеряли, – хмыкнула Козетта, обращаясь к Ли.

– Это потому, что у моего отца лучшие в мире автомобили! – наследник Морганов задрал нос и тут же поскользнулся. Бен с трудом его удержал.

Позади всех тащилась японская девица. Эта малахольная не взяла с собой ничего, кроме своей ненаглядной куклы. А может, она и прибыла без вещей? Что взять с дурочки. Козетта сразу решила, что своим провиантом делиться с японкой не будет.

Куница уверенно шагал вперёд, и Козетта почему-то верила, что он выведет их куда надо. Есть же дорога, в конце концов! Главное – не сходить с неё. Чего уж проще, да?

Но что-то всё-таки не давало ей покоя. То ли навязчивая мысль об упущенной возможности стать героиней настоящего приключения, то ли неразгаданная тайна... Козетта усмехнулась про себя: уж чего-чего, а приключений в её жизни было предостаточно. И тайн тоже.

Два часа прошли в почти полном молчании. По расчётам Козетты, время перевалило за полдень, но Куница не собирался останавливаться и делать привал. А у девушки пока терпимо, но уже отчётливо начали ныть ноги. Попробуй-ка пробираться по зарослям в юбке и туфлях!

– Хина устала, – вдруг выговорила японка, тащившаяся позади, – Хине надо отдохнуть.

Опять она со своими сумасбродствами! Но сейчас Козетта была ей, пожалуй, благодарна. Сама она не решалась сказать Кунице, что хочет сесть и вытянуть гудящие ноги.

– Мы ещё мало прошли, – не оборачиваясь, буркнул Куница.

– Мальчишки, а вы не забыли, что мы в юбках? – громко спросила Козетта. – К тому же, вы слышали: Хина устала.

– Ну хорошо, – Куница резко остановился, – давайте сделаем привал.

Все попадали кто куда. Ну... на самом деле Козетта, метнувшись в сторону, заняла самый удобный и относительно сухой ствол поваленного дерева, Ли присоседился к ней, Сора отряхнула от влажной листвы пенёк и села на него, уложив куклу к себе на колени, а Бен достал из своей сумки покрывало, аккуратно постелил его на жухлую траву и опустился сверху. Куница остался стоять, прислонясь спиной к высоченной пихте.

Козетта, тяжело дыша, подумала, что в прошлый раз эта дорога далась ей гораздо легче. Конечно, большую часть пути она проделала на телеге. Но ведь три мили с лишним ей пришлось идти пешком, продираясь через бурелом, в полной темноте. И вышла-таки! А сейчас день, дорога под горку, не приходится шарахаться от каждой ветки, боясь выколоть глаза. И всё равно идти почти невозможно.

О чём думали остальные, она не знала.

Четверть часа спустя Куница велел всем подниматься. В ответ раздались приглушённые стоны, но спорить никто не стал. Дорога продолжилась. Лес становился всё гуще и гуще, всё темнее и темнее. Или это солнце уже начало клониться к закату? Никаких признаков человеческого жилья поблизости не было.

Ещё через два часа они остановились, чтобы поесть. Яблочные пряники, прихваченные со стола, утолили голод, но не жажду. Воды ни у кого с собой не было.

– Напьюсь в деревне, да? – спросил Ли.

– Если дойдём, – Козетта была уже ни в чём не уверена.

И они снова пошли дальше. Сначала дорога шла под уклон, потом стала относительно ровной, потом отчего-то поползла вверх. Куница невозмутимо шагал вперёд, а Козетта тупо смотрела на его спину, стараясь ни на что больше не обращать внимания. В этом сомнамбулическом режиме она прошагала ещё, должно быть, миль пять, прежде чем Ли споткнулся, упал в грязную лужу, заныл и потребовал привала.

– Уже темнеет, – негромко напомнил Куница.

– Но ведь деревня должна быть уже совсем близко! – Ли выглядел так, будто собирается вот-вот разрыдаться.

– Ну хорошо, – Куница скинул с плеч рюкзак, – только не жалуйтесь, если в деревню мы явимся ночью.

А Козетте было уже всё равно. Она села на покрывало рядом с Беном и положила голову ему на плечо. Бедняга Бен сидел напряжённый, как струна, и боялся шелохнуться.

Потом они снова двинулись дальше. Силы были на исходе, лес стал совсем тёмным, и только Куница, казалось, до сих пор понимал, в какую сторону они идут. Остальные просто шли, чтобы согреться, ведь стало ещё и холодно.

Не хватает только дождя, подумала Козетта. И тут же сверху что-то зашелестело.

– Дождь, – сообщил Куница.

– Ну всё, я больше не могу! – Ли закрыл лицо руками и принялся всхлипывать. – Я этого не заслужил! Я устал, у меня ноги отваливаются! Я весь в грязи! Я больше никуда не пойду!

– Здесь останешься?

– Да! И пусть меня лучше волки съедят! – всхлипы перешли в настоящий плач.

– А здесь есть волки? – вполголоса спросил Бен.

– Это лес, почему бы здесь и не быть волкам? – Куница подошёл к Моргану и потрепал его по плечу. – Потерпи ещё немножко, дружище. Сам понимаешь, мы не можем тебя тут бросить.

Ли благодарно посмотрел на него и вскоре затих. И они снова начали шагать вперёд, всё чаще оскальзываясь на мокрой земле и уже почти ничего не видя.

– Кажется, выходим, – вдруг объявил Куница.

Козетта подняла голову и различила впереди какие-то смутные просветы: лес начал редеть. И откуда только силы взялись! Она обогнала всех, обогнала Куницу и, задыхаясь, бросилась к выходу из леса. Остальные поспешили за ней.

Небо, усыпанное звёздами, было задёрнуто тонкой вуалью туч. На вершине холма стоял старый знакомый особняк, его окна приветливо светились.

За спиной послышался чей-то истерический хохот. Козетта обернулась и увидела, что Бен старается успокоить вопящего и бьющего себя кулаками по коленям Ли.

– Куница, – хрипло проговорила Козетта, – что это значит? Ты куда нас завёл?

У Куницы было странное лицо, вроде бы даже довольное. Впрочем, в полумраке трудно было разглядеть, радуется он или плачет.

– Я не знаю, как это получилось, – ответил он, – мы же шли по дороге.

– И что теперь? – Бен обхватил Ли за плечи и посмотрел на Куницу.

– Нам придётся вернуться в дом. Дождь усиливается. – с этими невероятными словами Куница передёрнул плечами и зашагал вверх по тропе.

Козетта поняла, что уже ничего не понимает. И это ощущение ей очень не понравилось.

Глава 6

Сора

Я не люблю видеть сны о прошлом. Они всегда приходят в неподходящий момент. Вот сейчас, именно сейчас для них совсем не время: я на краю пропасти и меня стремительно тянет вниз. Прошлая жизнь закончена навсегда, я никогда больше не вижу тех людей, которые были со мною рядом, и никогда не вернусь в страну, которая была моей родиной. Сейчас я в большой опасности. Я должна бы не спать ночами от ужаса, но я сплю, и сплю крепко. Видения о прошлом приходят ко мне лишь под утро. Я ворочаюсь, но не могу проснуться.

Картина первая. Я шарю руками в пыли, вытаскивая рисинки. Какой-то прохожий просыпал рис из мешка прямо возле нашего дома. Он громко выругался, затопал ногами, втапывая просыпанное в дорожную грязь, и пошёл себе дальше. Соседи ходят вокруг и поджимают губы: они и сами собрали бы рис, но им стыдно поднимать то, что топтал босыми ногами какой-то чужак. Тогда мать посылает меня и делает вид, что я сама это придумала – выколупывать зёрна риса из пыли и мусора. Мне три года. Вечером мне дадут немного варёного риса в глиняном черепке.

Картина вторая. Мать лежит на тощем футоне и стонет. В хижине сумрачно, дождь льётся сквозь дыры в потолке и на полу собираются лужицы. Я поджимаю ноги, чтобы не касаться воды. Перед матерью на коленях стоит пожилой мужчина. Это доктор. Его прислали соседи – они устали слушать, как стонет и кричит моя мать. Одежда матери распахнута, и доктор ощупывает короткими толстыми пальцами её шею и грудь. При этом он качает головой и что-то бормочет.

Картина третья. Я плачу: у меня болит живот. В приюте, куда меня забрали, кормят только редькой и изредка чем-то другим, чему я не знаю названия. Мы все мучаемся животами от такой еды, но взрослые учат нас быть благодарными. На улице, говорят они, есть совсем нечего. Выбирайте сами, что вам больше нравится – мусор и объедки или эта свежая, приготовленная на огне еда.

Картина четвёртая. Я живу у торговки рыбой. Я совсем не помню её лица, но помню, что живот у неё был круглый, а пальцы на ногах кривые. Целыми днями я перебираю и чищу рыбу. Мы встаём очень рано, чтобы успеть купить у рыбаков их ночной улов, и идём на рынок с полными корзинами рыбы и моллюсков. Рыба долго лежит на солнце и начинает пованивать, над ней кружатся мухи, а хозяйка ругается, будто это я виновата. Мне кажется, что я вся провоняла рыбой так, что этот запах не отвяжется от меня и в старости.

Местные ребятишки кличут меня Рыбьей Кишкой. «Гляди-ка, снова Рыбья Кишка пришла!» А ведь меня зовут Сора, это значит – Небо. Но в реальности я редко вижу что-то кроме пыльных дорог и дощатых прилавков.

Картина пятая. Я попадаю в школу для бедных детей. Теперь я уже не живу у торговки рыбой: мы, три десятка маленьких девочек, обитаем все вместе в узком, длинном здании, в котором имеются только два маленьких окна с торцов. Днём мы тут учимся, вечером разворачиваем наши тюфяки и спим. Кормят нас однообразно, но вполне сносно, одевают в уродливую форму, в которой невозможно дышать, заставляют носить башмаки. Мне совсем не нравится учиться: я не понимаю, как живой человек может запомнить столько иероглифов. Но нерадивых учениц больно бьют палкой по ладоням.

Мне часто достаётся: я молчалива, замкнута, у меня нет подруг. Моё прозвище «Рыбья Кишка» просочилось даже в стены школы, так меня здесь все и называют. Даже учительница – за глаза. Она считает меня дурочкой и потому особенно любит меня наказывать. Она убеждена, что я никому не пожалуюсь.

Картина шестая. Меня снова побили, и я сбежала с уроков. Начало марта, но уже тепло, так что я в одной рубашонке долго-долго бегу по дороге мимо каких-то зданий и деревьев, задыхаясь от плача. И вдруг попадаю в прекрасный сад, весь розовый от цветущих слив. Иду по саду медленно, осторожно, боясь спугнуть это волшебство, и выхожу к небольшому, но красивому и, видно, старинному дому. На нарядном мостике через ручей стоят очень красивая молодая дама в шёлковом кимоно и девочка в школьной форме – не такой уродливой, как у меня, а светлой и праздничной. И в руках у девочки кукла. Ах, какая это кукла!

Зрение у меня острое, я хорошо вижу издали. Раньше я думала, что куклы – это деревянные раскрашенные чурбанчики, у которых иногда вращается голова. Но у меня и таких-то никогда не было... А эта кукла была похожа на живую девочку: тёмные чуть выщипанные волосы, настоящие ручки и ножки, пышное синее платье. Я сначала так и подумала, что это живая девочка, только очень маленькая.

Дама в кимоно и школьница увидели меня. Дама что-то сказала и ласково помахала мне рукой, а девочка сбежала с мостика и направилась в мою сторону. От страха у меня ноги к земле приросли: я ещё никогда не видела ничего настолько нежного, чистого и счастливого.

– Здравствуй! Как тебя зовут? – улыбнувшись, спросила девочка.

«Рыбья Кишка» – захотелось сказать мне. Но я промолчала. Никто не учил меня разговаривать с красивыми и богатыми девочками.

– А меня зовут Хина-тян. А это моя новая кукла, – продолжала девочка, ничуть не смущаясь моего молчания.

Кажется, в этот момент у меня на лице даже выступил пот. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Ты из школы для сироток, да?

Я кое-как кивнула. Хоть на это у меня хватило соображения.

– Ты бедняжка! – воскликнула девочка.

Тут на её личике отразилась какая-то борьба. Она нахмурилась, покусала губки и вдруг... протянула мне свою красавицу-куклу.

– Вот, бери! Я же вижу, что она тебе нравится!

Я в ужасе замотала головой и спрятала руки за спину.

– Бери! – настаивала девочка, толкая мне куклу. – У меня ещё есть. Возьми, пожалуйста, а не то я обижусь!

Этот аргумент на меня подействовал. Я протянула руки, взяла шёлковую, хрупкую, душистую куклу и прижала её к груди.

– Меня мама зовёт. Пока! – довольно улыбнулась девочка и побежала обратно к красивой даме. Отступая в тень, я слышала, как женщина сказала дочери:

– Ты хорошо поступила, Хина-тян. Эта бедная девочка во все глаза смотрела на твою куклу.

Хина что-то ласково проворковала в ответ. Но ведь я смотрела не на куклу. Я смотрела на неё.

Вчера Бодлер так и не вернулся. Мы не увидели свежих следов от колёс, поэтому решили, что во время нашего отсутствия никакой транспорт не приближался к дому. Мы так замёрзли, намучились и устали, что рады-радешеньки были увидеть натопленную гостиную и накрытый к ужину стол. Светящаяся радушием Доротея и не подумала поинтересоваться, куда это мы пропадали. Смешно: после нашей неудачной прогулки мы и сами обрадовались ей, как родной.

После ужина мы разошлись по комнатам. Я была так счастлива оказаться в чистой постели, что уснула в один миг, обняв Хину. Этой ночью я даже не слышала скрип, как раньше. Я просто спала и видела сны о прошлом.

Утром все собрались за завтраком. Козетта была не в духе, Ли и Бен выглядели помятыми, зато Куница был спокоен, как всегда, а малышка прыгала по всей комнате и цеплялась за каждого из нас. Мне стало стыдно, что вчера мы ушли без неё. Что бы с ней случилось, если бы наш побег удался?

– Доброе утро, молодые господа! – приветствовала нас Доротея, внося огромную миску с оладьями, от которой к потолку поднимался сладко пахнущий пар. Мы в ответ кисло покивали.

– Ну и что мы будем делать? – дождавшись, когда экономка уйдёт, спросил Бен.

– Спроси чего полегче, – раздражённо откликнулась Козетта и потёрла виски. – Похоже, сбежать отсюда нельзя. А оставаться здесь... кто знает, опасно или не опасно.

– Может, дождёмся Бодлера? – робко предположил Ли. В отсутствие слуги и сутки приключений спустя он стал как шёлковый.

– Твой Бодлер ещё вчера должен был вернуться, у него ведь есть автомобиль! – Козетта так дёрнула рукой, что пролила несколько капель чая себе на платье. – Чёрт! Всё из-за тебя!

– Самое глупое, что мы сейчас можем сделать – это переругаться между собой, – остановил её Куница, и девушка послушалась, – если мы не в силах уйти, то мы должны понять, что здесь происходит.

– Чувь какая-то происходит, – вставил Ли.

– Можно и так сказать, – Куница кивнул, – что мы можем с этим сделать?

Тут все начали переглядываться и вопросительно мычать. На меня никто не посмотрел.

– Мы можем... например, обыскать дом, – сам себе ответил Куница.

– Точно! – воскликнул Бен. – Мы должны найти тех, кто здесь прячется!

– Но по одиночке нам лучше не ходить, – терпеливо продолжал Куница, – мало ли, какие опасности нас поджидают. Предлагаю разделить так: Бен и Сора обыщут первый этаж, Ли и Козетта второй. А я осмотрю всё вокруг дома, включая близлежащий лес.

– Только не заблудись там, как вчера, – снова не удержался Ли.

– Не заблужусь, – Куница и не подумал обидеться на подколку, – все согласны?

– Когда начинаем? – Козетта вытерла руки салфеткой и встала.

– Лучше прямо сейчас. Если что-нибудь случится – кричите, зовите на помощь. В общем, действуйте. – Куница тоже поднялся. – Встречаемся здесь.

Хотелось ли мне идти обыскивать дом? Нет, совсем не хотелось. Во-первых, я не доверяла моему спутнику, мне хотелось бы пойти с Куницей, который вёл себя как лидер. С другой стороны, хорошо, что мне не достался Ли: этот, наверное, первым делом спрячется за козеттину юбку. Во-вторых, я чувствовала себя относительно спокойно только в гостиной и в собственной комнате, а в другие помещения я не заходила и не испытывала желания заходить. Ну и в-третьих: Доротея обитала где-то на первом этаже, а именно первый этаж и предстоит обследовать нам с Беном. Мы неминуемо наткнёмся там на экономку. А она, несмотря на всю свою миловидность, даже и не человек.

Но я как обычно ничего не возразила. И Бен не стал спорить. Он, наверное, тоже счёл нашу миссию более опасной, и теперь радовался, что его распрекрасная Козетта будет от этой опасности защищена. Обо мне он, разумеется, не подумал.

Мы все пожали друг другу руки, как полковые товарищи перед атакой, и разошлись. Ли и Козетта поднялись на второй этаж. А мы с Беном, немного потоптавшись в холле, открыли дверь и вышли в коридор. Здесь мне ещё быть не приходилось.

Коридор был довольно узкий, но светлый от четырёх больших окон. Напротив каждого окна находилась дверь.

– А что мы, собственно, ищем? – спросила я.

Бен посмотрел на меня так, будто с ним заговорила табуретка или прикроватная тумбочка.

Помедлив, он всё-таки ответил:

– Людей.

Мне почему-то казалось, что никаких людей мы тут не найдём. А то, что найдём, может оказаться страшнее людей. Но вести разговоры с Беном мне не хотелось.

Он повернул ручку первой по счёту двери и заглянул. Я встала за его плечом. Там была комната как комната: шкаф, конторка, два кресла. Кровати не было. Тут никто не жил.

– В прошлый раз эта дверь была закрыта, – зачем-то сообщил Бен.

Мы не стали заходить в комнату и пошли дальше. За второй дверью обнаружилась белёвая, за третьей – пустая комната, набитая пыльными деревянными ящиками, часть из которых были заколоченными, часть нет. Из любопытства мы заглянули в один: там лежали старые книги почему-то на немецком языке.

В четвёртой комнате друг напротив друга стояли два стула, а больше там ничего не было. Дверь в конце коридора вела в кухню.

– Там Доротея, наверное, – прошептал Бен, прикасаясь к ручке.

Я подавила в себе желание сбежать, но всё-таки укрылась за спиной Бена. Он толкнул дверь и вошёл. Да, перед нами была большая, очень просторная кухня, на которой одновременно могли трудиться несколько поваров. Но Доротея находилась там одна: стоя у стола, она энергично месила тесто.

– О, молодые господа! – приветствовала она нас. – Что вам угодно?

– Доротея, вы... – начал Бен и запнулся. Он проглотил комок в горле и договорил: – я думал, вы экономка. А вы ещё и кухарка?

– Что вы, кухарка просто отлучилась по делам, – улыбаясь, ответила Доротея, – а я никак не могу оставить дорогих гостей без мясного пирога к обеду.

– А-а... спасибо. – промямлил Бен и огляделся. Я тоже огляделась.

Кухня была огромная, здесь разместилось множество шкафчиков, столиков, разных баночек-скляночек и других приспособлений для приготовления пищи. Но человеку вроде бы спрятаться было некуда. Если он не залез в печь, конечно.

– Ну... мы тогда пойдём? – Бен вёл себя очень странно. Он переминался с ноги на ногу и всё шарил глазами по кухне.

– Всего вам хорошего, молодые господа! – Доротея помахала нам белой от муки рукой.

И мы ушли. Весь обыск первого этажа занял от силы минут пятнадцать.

Ли и Козетта ещё не вернулись. Бен присел на кушетку в холле и вцепился руками в волосы. Я молча наблюдала за ним, думая, стоит ли спросить его самой или лучше дожидаться остальных. На втором этаже слышались какие-то шорохи, но воплей и просьб о пощаде не было.

– Как же это может быть? – болезненно скривившись, пробормотал Бен.

– Что именно? – не выдержала я.

– Дверь! Она исчезла!

Я уставилась на него в недоумении. Тут послышались шаги и на лестнице показалась Козетта.

– Друзья, вы можете нам помочь? – крикнула она.

Рыцарь Бен тут же забыл о своих страданиях и метнулся на помощь. Вздохнув, я последовала за ним.

На втором этаже было всего семь комнат. Пять из них занимали мы, в шестой обитала малышка, дверь в седьмую была заперта. Но Козетта повела нас мимо дверей, в самый конец коридора, где неожиданно обнаружилась лестница, настолько узкая, что даже один широкоплечий человек мог бы протискиваться по ней только боком. В этой части дома не было окон, выход на лестницу находился в густой тени, поэтому мы и не замечали его раньше.

– За мной, – приказала Козетта и начала подниматься.

Мы полезли за ней, нащупывая в темноте ступеньки. К счастью, лестница была довольно короткая и заканчивалась квадратной площадкой фута четыре в длину и ширину, так что мы вчетвером смогли там уместиться. Ли жалобно скрёбся в массивную деревянную дверь.

– Не открывается! – пожаловался он.

– Заткнись, Ли, – шикнула на него Козетта, – а вы прислушайтесь!

Мы замерли и затаили дыхание. Сначала я ничего не услышала, кроме стука крови в висках, а потом за дверью раздался знакомый скрип. И громче, чем я слышала ночью.

– Слышите? – шёпотом спросила Козетта.

– А что там? – так же шёпотом спросил Бен.

– Мезонин. Надо думать, обитаемый. Дверь заперта изнутри.

– Откуда ты знаешь, что изнутри? – тут Ли стиснул мою руку. Наверное, он думал, что это рука Козетты, но в темноте не разобрал.

– Я в этом понимаю, – недовольно ответила Козетта. – Давайте спускаться. Здесь я чувствую себя как в гробу.

Мне здесь тоже совсем не понравилось. Спустившись и выйдя в просторный светлый коридор, я вздохнула свободно. Остальные, похоже, испытывали схожие ощущения.

– У вас что? – спросила Козетта, глядя на Бена.

Тот спохватился и захлопал глазами. Сказать ему, что со стороны он выглядит глупо, или не говорить?

– Там дверь исчезла! – выпалил Бен.

– Какая дверь? – пискнул Ли.

– В кладовку! Ну, помните, я приносил оттуда лопаты? На кухне была дверь! А теперь её там нет!

– Что, совсем нет? – Козетта пристально вгляделась в растерянное лицо юноши. – Может, ты плохо разглядел?

– Совсем нет! Гладкая стена! Сора, скажи им!

Тут все наконец-то вспомнили о моём существовании. Я ненавижу, когда на меня смотрят, поэтому постаралась ответить быстро:

– Я не видела никакой двери.

– Ты не видела, или её там нет? – настаивала Козетта.

– Нет, – ответила я.

По правде говоря, я не была так уж уверена в своих словах. Я больше разглядывала великанскую плиту, чем искала взглядом какие-то двери. Но если бы дверь там была, я бы её наверняка запомнила.

– Бред, – прокомментировала Козетта.

– А давайте вернёмся в гостиную и подождём Куницу! – предложил Ли. Он неуютно чувствовал себя поблизости от таинственной лестницы, да и мы все тоже.

Идея была хорошая. Мы спустились вниз. Оказалось, что Куница сам ждёт нас в гостиной – никто из нас не слышал, когда он пришёл обратно. Немая малышка вертелась вокруг него, а Куница невозмутимо пил чай. Выглядело это так, будто все мы вернулись с рискованного задания, а он в это время отдыхал и наслаждался жизнью.

– Что-то ты быстро! – с порога набросилась на него Козетта. – Ты что, обошёл вокруг дома и сразу вернулся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.